

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/15617793/511/2

Идиостилевые особенности сатирических текстов М.М. Жванецкого как инструмент интерпретации авторской картины мира

Елена Юрьевна Жукова¹, Анна Владимировна Курьянович²

^{1,2} Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

¹ lenko1994s@mail.ru

² kurjanovich.anna@rambler.ru

Аннотация. Исследуются фрагменты концептуальной картины мира М.М. Жванецкого, связанные с представлениями о человеке как носителе социальных характеристик в контексте взаимоотношений с обществом и представителями государственной власти. Посредством анализа идиостилевых свойств, воплощенных в сатирических текстах автора, делаются выводы о значимых для его картины мира аксиологических смыслах. К перечню рассматриваемых черт идиостиля относятся собственно языковые (лексико-стилистические и грамматические) и экстралингвистические (жанровая специфика, своеобразие реализации образа автора) особенности, свойственные творческой манере сатирика.

Ключевые слова: сатира, сатирический текст, идиостиль, языковая личность автора, авторская картина мира, М.М. Жванецкий

Для цитирования: Жукова Е.Ю., Курьянович А.В. Идиостилевые особенности сатирических текстов М.М. Жванецкого как инструмент интерпретации авторской картины мира // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 20–32. doi: 10.17223/15617793/511/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/2

Idiostyle features of Mikhail Zhvanetsky's satirical texts as a tool for interpreting the author's worldview

Elena Yu. Zhukova¹, Anna V. Kurjanovich²

^{1,2} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ lenko1994s@mail.ru

² kurjanovich.anna@rambler.ru

Abstract. The study was carried out in line with the linguoconceptological approach based on the material of Mikhail Zhvanetsky's satirical texts. Since the author's position plays an exceptional role in understanding the essence of a satirical text, which manifests itself in the specifics of the linguistic structure of the text, the analysis of the features of its conceptual and linguistic picture of the world is of particular importance. The aim of this study is to consider the key features of Zhvanetsky's idiosyncrasy reflected in the language structure of his satirical texts as a means of objectifying fragments of the author's worldview associated with ideas about a person as a carrier of social characteristics in the context of relations with society and government. The material includes 122 satirical miniatures by Zhvanetsky created in the period from the late 1980s to the early 2000s. The methodological basis of the research consists of introspection, linguistic conceptual, including linguo-axiological analysis of the text, semantic-stylistic and functional-stylistic analysis, elements of linguodiscursive analysis and modeling. It is noted that the list of considered features of the satirical writer's idiosyncrasy includes extralinguistic and linguistic features proper to his creative manner. The genre specificity of Zhvanetsky's texts of the designated period consists in the predominance of satirical miniatures – works laconic in form, but saturated in terms of conceptual content. Their stylistic features include impressionism, ambivalence of assessment, and syncretism of lyrical, humorous and satirical pragmatics. In the image of the author, complementary "role-playing" components are highlighted – an observer, a narrator, and a mentor. In the latter case, we are talking about the writer's desire to become a "regulator" of the mechanisms of understanding reality in the minds of each addressee, representing an audience of an inert, weak-willed mass reader, and to contribute to his movement towards gaining inner freedom in the context of total suppression of external freedom. The linguistic features of Zhvanetsky's creative manner mainly determine such lexical and stylistic features as techniques of pun, paradox, alogism, bringing to the point of absurdity, violation of paradigmatic connections between words, as a result of which pseudoanthonyms and pseudonyms begin to appear in texts. In order to create a comic effect, the writer actively uses clichés, clerical phrases, occasional and colloquial vocabulary, and dialog constructions. An assumption is made about the key place of the concepts of MAN, LAUGHTER and STATE in the author's worldview. Laughter acts as an instrument of reflection, evaluation, interpretation, having various forms of embodiment – from light, mocking irony to

derogatory sarcasm and accusatory satire. The man in the street in the satirist's picture of the world is complex, not ideal, experiencing joys and sorrows, looking for his place in the world and in a society full of absurdity and in confrontation with the ridiculous actions of government officials. Zhvanetsky defines the feeling of inner freedom as the highest value of a person, and, therefore, through satire, he ridicules social vices in his modern society. Among the promising directions for the development of the problem, we highlight the task of modeling based on the results of studying the specifics of Zhvanetsky's idiosyncrasy in the systematic form of his worldview.

Keywords: satire, satirical text, idiosyncrasy, author's linguistic personality, author's worldview, Mikhail Zhvanetsky

For citation: Zhukova, E.Yu. & Kurjanovich, A.V. (2025) Idiosyncrasy features of Mikhail Zhvanetsky's satirical texts as a tool for interpreting the author's worldview. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 20–32. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/2

Введение

Во все времена ученые демонстрируют устойчивый интерес к изучению форм комического, в том числе сатиры. Большинство из них определяют *сатиру* как способ восприятия происходящего, который выражается в «осмеянии и гневном обличении явлений действительности, резко отклоняющихся от идеального представления о них» [1. С. 312], абсурдных с точки зрения здравого смысла. Исследования, посвященные сатире, остаются актуальными благодаря той многогранной роли, которую она играет в социуме, культуре, политике. Сатира способствует поддержанию общественного диалога и развитию критического мышления, отражает настроения эпохи, социальные конфликты и политические изменения, помогает осмыслить культурную идентичность нации, мировоззрение людей той или иной исторической эпохи, их отношение к власти, морали и другим важным вопросам. Понимание механизмов воздействия сатиры на психику человека важно для развития эффективных методов коммуникации и воспитания.

В области лингвистических исследований сатира рассматривается как жанрообразующий фактор, определяющий особенности содержательной организации *сатирических текстов* (СТ). Информация, передаваемая в СТ, характеризуется присутствием оценки, которая соотносится с системой ценностей автора и аксиологическими установками, принятыми в социуме, а сатирический вектор направленности текста позволяет автору воздействовать на картину мира адресата посредством создания комического эффекта.

Закономерной реакцией адресата на концептуальные смыслы, присутствующие в содержании СТ, является смех, представляющий собой не только маркер эмоциональной рефлексии, но и способ оценки действительности. В СТ объектом смеха, как правило, выступают человеческие пороки и социальные события, которые в аксиологической системе автора имеют отрицательную оценку. Автор СТ – не сторонний наблюдатель за происходящим, а его активный интерпретатор. По меткому выражению писателя и литературоведа А.З. Вулиса, сатирик «ненавидит, а не просто видит», «пересматривает, а не просто смотрит» [2].

Для понимания сущности СТ исключительную роль играет позиция автора, проявляющаяся в специфике языкового строя его текстов. Следовательно, для интерпретации СТ особую значимость имеют понятия «языковая личность автора», «идиостиль», «авторская картина мира».

Идиостиль является отражением совокупных характеристик *языковой личности автора*, анализ которой направлен на «реконструкцию ее языковой модели мира; выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения текстов и их содержании» [3. С. 43]. Черты своеобразия языковой личности, воплощенные в ее текстовой деятельности, служат инструментом экспликации *концептуальной картины мира автора* – «глобального образа мира, лежащего в основе мировидения» и являющегося «результатом всей духовной активности человека» [4].

Наиболее полно исследовать взаимосвязь обозначенных понятий можно в русле когнитивного подхода, представители которого утверждают, что идиостиль имеет ментальную гносеологическую природу и концептуальную феноменологию. Например, В.А. Пищальникова трактует идиостиль как «систему логико-семантических способов репрезентации доминантных личностных смыслов концептуальной системы автора, объективированную в эстетической деятельности и предполагающую индивидуальную трансформацию языковых выражений» [5. С. 20]. По мнению С.Н. Плотниковой, языковая личность определяется «через языковую картину мира, следовательно, идиостиль обусловлен “мыслительной реальностью”» [6. С. 7]. Ряд исследователей (Н.С. Болотнова, А.В. Болотнов, М.А. Холодная, И.П. Шкуратова и др.) выдвигают понятие «когнитивный стиль языковой личности» в качестве способа отражения «типа мышления, тезауруса, концептосферы, ассоциативной деятельности» [7. С. 189]. Следовательно, анализ языковых средств, репрезентирующих те или иные концептуальные смыслы в тексте, выявление их функций и значения в условиях контекста и с учетом совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов текстообразования позволяют реконструировать фрагменты концептуальной картины мира автора.

Русская сатирическая проза имеет богатую историю: начиная с XVIII в., в периоды общественных, экономических и эстетических преобразований она становится способом осмысления действительности и демонстрации системы ценностей той или иной эпохи. Особое звучание русская сатира приобретает в XIX в. со времени появления произведений А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина. Традиции классиков русской литературы продолжили развивать в своем творчестве в первой половине XX в. А.Т. Аверченко, М.А. Булгаков, М.М. Зощенко, И. Ильф и Е. Петров, Н.А. Тэффи, Н.Р. Эрдман. Значимое место в ряду

русских сатириков второй половины XX в. – А.М. Арканова, С.Т. Альтова, В.Н. Войновича, М.Н. Задорнова, А.И. Райкина и др. – занимает М.М. Жванецкий.

В числе современных ему эстрадных сатириков М.М. Жванецкий выделяется самобытностью в выборе эстетических решений, наличием уникального творческого стиля, оригинальным подходом к раскрытию тем и развертыванию сюжетов. Его индивидуальная манера творчества узнаваема, тексты отличаются многоплановостью тематического содержания и жанрового оформления. Способность выразить с эстрадной сцены целую философию жизни в небольших по объему произведениях, четко уловить и зафиксировать в языковой форме собственные мысли и переживания, вызвать чувство сопричастности у зрителя и читателя, побудить к рефлексии – все это характеризует М.М. Жванецкого как глубокого знатока человеческой психологии, тонко понимающего внутреннее состояние, потребности и запросы людей своей эпохи.

Научная новизна исследования обусловлена недостаточной степенью изученности проблемы своеобразия идиостиля М.М. Жванецкого как инструмента интерпретации его картины мира.

Целью данного исследования является осмысление значимых фрагментов концептуальной картины мира М.М. Жванецкого с опорой на характеристику черт идиостиля, нашедших отражение в его СТ. В число задач входит: (1) рассмотрение свойств творческой манеры М.М. Жванецкого, обусловленных влиянием экстралингвистических факторов (жанровой принадлежностью текстов и формами «присутствия» в них автора); (2) анализ лексических, грамматических, стилистических текстовых средств в качестве лингвистического фактора, определяющего специфику идиостиля писателя; (3) интерпретация ключевых, в первую очередь аксиологических, составляющих картины мира М. Жванецкого сквозь призму идиостилевого своеобразия.

Материалом исследования выступают 122 текста М.М. Жванецкого, написанные в период зрелого творчества – с конца 1980-х гг. до начала 2000-х гг. – и вошедшие в IV том собрания его сочинений [8]. Выбор материала осуществлен на основании критерия типовой принадлежности текстов: если ранние произведения автора в жанровом отношении больше тяготеют к юмористическим текстам, то прагматика текстов обозначенного временного отрезка отличается доминированием сатиры.

Методологическую базу исследования составляют интроспекция, лингвоконцептуальный, включая лингвоаксиологический анализ текста, семантико-стилистический и функционально-стилистический анализ, элементы лингводискурсивного анализа и моделирования.

Из истории изучения идиостилевых особенностей СТ М. Жванецкого в аспекте описания авторской картины мира

Творческое наследие М.М. Жванецкого собрано в пятитомнике его сочинений: каждый том содержит произведения, созданные в определенный исторический период («Шестидесятые», «Семидесятые»,

«Восьмидесятые», «Двухтысячные», «XXI век») [8]. М. Жванецкий осмысляет окружающую жизнь посредством ее изображения в своих сатирических произведениях. Каждая из этих книг – это картина авторского восприятия жизни российского общества в один из периодов его существования, отражение ценностных и нравственных ориентиров автора, запечатленных в слове. Расцвет его творческой деятельности пришелся на переходный этап от СССР к современной России, когда Советский Союз находился на грани распада, в стране началась перестройка, зарождались рыночные отношения. По точному замечанию писателя и журналиста Ю. Михайлика, «если много лет спустя, кто-нибудь попытается понять, что же происходило в огромной и загадочной стране в XX веке, достаточно будет прочесть Жванецкого. ...он принадлежит к числу тех немногих, кто долгие годы поддерживал в ней атмосферу, возможность свободного дыхания. Ибо умел так дышать» [9].

Перечисленные выше основания обуславливают исследовательский интерес к языковой личности М. Жванецкого, своеобразие которой в полной мере запечатлено в его творчестве. Идиостилевая специфика его творчества анализируется с точки зрения жанровых [10], прагмалингвистических [11, 12], семантико-стилистических [13–15] свойств.

Так, А.С. Трач отмечает такие яркие специфические черты творческой манеры М. Жванецкого, как широкое использование приема языковой игры, ресурса спонтанной устной речи «в разнообразных и неожиданных сочетаниях» [11. С. 5], что во многом усиливает сатирическую прагматику его СТ. А.М. Карпова анализирует эстетическую функцию экспрессивной лексики как средства выразительности в СТ М. Жванецкого [16]. Т.В. Шемелева рассуждает о роли неполных синтаксических конструкций в создании комического эффекта в текстах сатирика [17]. Ю. Михайлик, описывая типичную для М. Жванецкого интеллектуальную манеру изложения, указывает на характерные для писателя приемы: лакуны, умолчания, парадоксы, скороговорку, небывалую плотность текстов, сравнимую с плотностью стихов Бродского [18].

В концептуальном плане творческий дискурс сатирика изучен не в полной мере: нами найдены единичные работы, посвященные рассмотрению отдельных фрагментов картины мира М.М. Жванецкого. Назовем здесь статью С.Ю. Лавровой и Ю.Ю. Бочкаревой, посвященную рассмотрению концептов УМ и ГЛУПОСТЬ в русском юмористическом дискурсе на материале текстов М. Жванецкого [19]. В частности, присутствие фрагмента, связанного с бинарным представлением об уме и глупости, в картине мира автора объясняется исследователями обусловленностью факторами «возраста, становления ценностных приоритетов в рамках культурного поколения 1960-х, интересом к общечеловеческим проблемам» [19. С. 34]. Задача М.М. Жванецкого как писателя-сатирика состоит, по мнению ученых, в реализации интеллектуальной иллюзии – «заставить аудиторию думать, размышлять» [19. С. 35].

Идиостилевые особенности СТ М. Жванецкого, обусловленные жанром

Рассматриваемые тексты М. Жванецкого отличаются лаконичностью, небольшим объемом и законченностью композиции. На основании соответствия перечисленным формальным параметрам СТ, созданные М. Жванецким в конце XX – начале XXI в., можно отнести к *текстам-миниатюрам*. Миниатюра – понятие, заимствованное из сферы живописи. Лексема-номинал этого понятия обозначает маленькую картинку, которая является уменьшенной по размеру копией своего полномасштабного аналога, отличается тщательностью отделки и точностью изображения. По мнению В.Ю. Баймиевой, миниатюра – это «маленькое по объему произведение, композиционно завершенное, но с преобладанием <...> кульминации, усиленной авторской экспрессией и доминирующим образом автора, сливающимся чаще всего с повествователем» [20. С. 10].

Выбор М. Жванецким жанровой формы миниатюры оправдан во многом тем, что, будучи эстрадным сатириком, большинство своих произведений он написал для чтения со сцены с «отыгрыванием» описываемых ситуаций, в том числе с помощью невербальных средств: известен яркий образ Жванецкого-сатирика как «человека с портфелем». Такое эстрадное «назначение» подразумевает выбор лаконичной жанровой формы, с одной стороны, облегчающей адресату восприятие текстовой информации на слух, с другой – позволяющей автору выразить посредством немногих слов разнообразную «палитру» смыслов, что в целом делает текст более многослойным и открывает возможность для различных интерпретаций. Приведем пример.

Миниатюра «Телефонное одиночество» посвящена размышлениям автора над проблемой одиночества человека в современном мире, которое, несмотря на наличие средств связи и высокоразвитых технологий, становится все более ощутимым и приводит к разобщению и изоляции людей в социуме. Абсурдной, с точки зрения писателя, выглядит сама постановка вопроса: персонажи миниатюры испытывают желание общаться, но сталкиваются с «экономическими» трудностями в реальном взаимодействии, что приводит к комичным, но глубоко печальным ситуациям. В условиях рыночной экономики, когда нужно платить за каждую минуту телефонного разговора, сам инструмент коммуникации – телефон, – вместо того чтобы сближать людей, часто становится причиной их разобщенности.

В миниатюре, объем которой не выходит за рамки одной печатной страницы, М. Жванецкому удается погрузиться в глубокие темы, связанные с осознанием одиночества во всех сферах человеческого бытия, возникающего вследствие распространения коммерческих отношений в современном социуме. Содержательное наполнение миниатюры составляют разнообразные варианты интерпретации темы одиночества человека в современном мире, а именно:

– одиночество творческой личности в условиях рыночных отношений: *«Наторгуешь своим телом и снова выходишь на связь. О рекомендациях разговора*

нет. Кто там что успевает? Одно замечание по языку – это четыре обеда в хорошем кафе» [8. Т. 4. С. 22];

– одиночество как плата за технический прогресс в виде «тарификации» общения: *«Разговор с другом шестьдесят рублей минута. Прочтешь ему крохотный отрывок – триста рублей. Услышать его вздох – девяносто»* [8. Т. 4. С. 22];

– «повседневное» и «будничное», переходящее в «экзистенциальное» одиночество: *«Шестнадцать часов вкалывал, опоздал в гастроном, хлебной коркой обтер холодильник изнутри, чтобы услышать, что сейчас у нее ночь, но она проголодалась и жрет пудинг и бекон или, наоборот, и очень скушает, но хочет спать...»* [8. Т. 4. С. 22];

– одиночество как результат преобладания холодного расчета в человеческих отношениях: *«Он оттуда звонит молнией, называет свой новый номер и бросает трубку, как кусок раскаленного угля. Он вообще мыслит шекелями, а говорит за рубли. За рубли он говорит очень охотно...»* [8. Т. 4. С. 22];

– одиночество как причина возникновения чувства осознания собственной ненужности и оскорбления собственного достоинства: *«Такого одиночества еще не бывало. Унижаться можно, когда за это платят тебе, но унижаться и платить самому?!»* [8. Т. 4. С. 22];

– одиночество как следствие ностальгии по прошедшим временам, когда все близкие были рядом, не было необходимости платить за телефонные разговоры, когда основой человеческих отношений было доверие, внимание и сочувствие, а не холодный расчет: *«Выставляйте счета! Ничто так не подчеркивает одиночество, как счета за телефон и свет! / Да! Если она рядом, нужно меньше света. Да!»* [8. Т. 4. С. 22].

Миниатюра «Телефонное одиночество», таким образом, – это размышление о природе человеческих отношений в эпоху технологий, там, где истинная близость и душевное понимание все чаще заменяются краткими сообщениями и звонками, которые, в свою очередь, необходимо оплачивать по тарифу.

Описанное свойство жанровой формы миниатюры условно обозначим как *высокую степень концентрации смысла в лаконичных по объему речевых произведениях*. Добавим, что отмеченная особенность жанра, активно используемого М. Жванецким в указанный период творчества, составляет яркую черту индивидуальной манеры писателя-сатирика.

Во многом реализация данного свойства становится возможной благодаря следованию принципу *импрессионистичности* в организации текстового содержания. Каждая миниатюра с точки зрения развертывания смысла представляет поток сознания, где отсутствует дифференциация на главную и второстепенную информацию, прошлое переплетается с будущим, мысли одновременно разрознены и собраны воедино. Например: *«Счастье его (Б. Окуджавс. – Е.Ж., А.К.) знать – больше, чем петь и читать. Недаром такой спрос на людей, знавших Пушкина. Пока еще нас много, знавших его. Вот мы в Болгарии. Мой первый выезд. До этого был еще выезд в Румынию, но его можно не считать. Абсолютно и полностью. Не хочу»* («Окуджаве снова...») [8. Т. 4. С. 135]. Формирование

текстовой информации в приведенном фрагменте происходит по принципу сосредоточенности внимания автора на передаче впечатлений от объекта, а не на его детальном изображении, когда значимыми становятся атмосфера момента, настроение и ощущения, с ней связанные. Смыслы от прочтения текста рождаются в сознании читателя так же, как возникает отклик зрителя на полотно художника-импрессиониста. При рассмотрении «вблизи» каждый мазок кисти творца, а в тексте каждая единица воспринимаются отдельно от других, но стоит «отдалиться», в том и в другом случае художественная миниатюра «оживает», рождается целостное впечатление, аккумулирующее мировоззренческие установки автора и фокусирующие их суть.

Еще одной чертой идиостиля М. Жванецкого, обусловленной авторскими предпочтениями в выборе жанра, можно считать *особую сатирическую прагматику жанра миниатюры* и одновременно – его *синкретичную природу*. Такого рода тексты вызывают у читателя широкий спектр эмоций – от легкой иронии до едкого сарказма, что может выражаться в смеховой реакции разного типа – в добродушном, искренне-детском, безудержном, самодовольном, злом, натянутом, невольном смехе, смехе сквозь слезы. Эмоциональный отклик усиливает воздействие текста.

Мы солидарны с мнением А.С. Трач, отметившей, что для творческой манеры М.М. Жванецкого характерен синкретизм юмора, лирики и сатиры, необходимый для «полной, объемной характеристики сложных явлений, там, где невозможно обойтись только одним жанром» [11. С. 111]. Исследователь приводит слова самого писателя: «Юмор – это не шутки. Это не слова. <...> Юмор – это редкое состояние талантливого человека и талантливого времени, когда ты весел и умен одновременно» [8. Т. 3. С. 46]. Это высказывание М. Жванецкого свидетельствует о его понимании юмора как синкретичного феномена, передающего «глубокое, серьезное под маской смешного отношение к изображаемому» [11. С. 86]. С таким отношением к юмору и смеху связывается присутствие в стилистической ткани миниатюр М. Жванецкого особого лиризма: «Смешное и грустное тесно переплетается в понимании писателя, создавая особую разновидность юмора, смех сквозь слезы» [11. С. 97]. Коммуникативная цель автора состоит в осмеянии людских пороков и выражении авторского осуждения «несуразностей» общественной жизни. И даже функциональный ресурс сатиры, по признанию самого М. Жванецкого, не способен реализовать его авторскую установку в полной мере: «Я немножко сложнее и жизнь немного сложнее» [21]. Выбор жанра миниатюры обусловлен динамичностью сознания М. Жванецкого: глобальные и серьезные общественные проблемы требуют от автора моментальной реакции, для выражения которой становится недостаточно только форм комического.

Таким образом, миниатюра как жанровая разновидность СТ обладает высоким когнитивным и регулятивным потенциалом и в полной мере отвечает интенции автора – эстрадного писателя-сатирика: в лаконичной фразе запечатлеть многообразие и «текучесть» смыс-

лов, реализовать сатирический прагматический эффект, актуализировав в смысловом пространстве СТ аксиологические доминанты, свойственные авторской картине мира.

Идиостилевые особенности СТ М. Жванецкого, обусловленные формами «присутствия» в них автора

Идиостилевые особенности, воплощенные в СТ М. Жванецкого и выступающие маркерами индивидуально-авторской картины мира, обусловлены также, помимо жанровой специфики, своеобразием форм «присутствия» автора в тексте.

Образ автора в СТ М. Жванецкого характеризуется *синкретичностью* и *амбивалентностью*, совмещает в себе позиции наблюдателя и ментора. Являясь непосредственным участником описываемых событий общественной жизни, автор, с одной стороны, активно воспринимает, фиксирует в сознании и анализирует информацию о них, с другой – стремится добиться перлокутивного эффекта в отношении адресата, работая на изменение системы взглядов и ценностей последнего. Подобный вариант репрезентирует субъектную позицию автора, рассматривается как составляющая его личного и социального опыта, отражает сложность и многогранность переживаемых им эмоций. Автор намеренно не дистанцируется от адресата, при этом стремится манипулировать его сознанием, выступая от себя, но опосредованно, «примыкая» различные «речевые маски» (М.В. Шпильман) и «проигрывая» разные паттерны коммуникативного поведения, актуализирующие те или иные черты характера людей и (или) суть человеческих поступков.

В образе автора в дискурсе Жванецкого присутствуют черты конкретной личности: в некоторых СТ прослеживаются автобиографические элементы, что придает повествованию личную окраску и делает стиль изложения более искренним. Например, в миниатюре «Эммануилу Моисеевичу Жванецкому от сына» в авторе угадывается личность М. Жванецкого, поскольку данный текст представляет собой лирическое письмо, адресованное отцу сатирика: «А настроение было хреновое, отец. Я затих. Опять, думаю, буду знаменитым, опять в подполье, если не глубже. А твой проклятый солнечный город у моря и в мирное время отрезают от всех киевским телевидением. Ни одной новой московской газеты, ни одной передачи...» [8. Т. 4. С. 15].

Можно выделить некоторый перечень форм позиционирования автора в СТ, характерный для идиостилевой манеры М. Жванецкого в указанный период творчества. Каждой из форм соответствует определенный коммуникативный «образ» автора:

– автор-философ: «Нам ничего не остается, как писать интересно и лучше видеть тех, от кого останутся фотографии, слышать живые голоса тех, кто будет глубоко изучаться в записи, и поддерживать, и касаться друг друга. И не сбрасывать руку с плеча: “Постой, я расскажу тебе...”» [8. Т. 4. С. 238];

– автор-критик: *«Все остальное искусство и даже литература с ее провайдерами, критиками, пиарщиками и прочим отсутствием живых и здоровых напоминает больницу и вызывает сострадание, а не размышления»* [8. Т. 4. С. 222];

– автор, выражающий иронию и самоиронию: *«Ну что ж, вы правы, почему вы за свои деньги должны видеть злую перекошенную рожу. Нет-нет-нет. Надо вспомнить что-то хорошее. Все-таки пятьдесят шесть лет. Я должен, я обязан вспомнить что-то хорошее. Ведь оно же было. Я же был счастлив»* [8. Т. 4. С. 24];

– автор-скептик: *«Передайте, что все еще тяжело. Передайте тем, кто рассчитывал, что детям будет легче, – НЕТ... Пока нет... Насчет надежд. Пока тоже нет. Года через три может появиться надежда на улучшение. Лет через пять. Года через три на лет через пять»* [8. Т. 4. С. 32];

– автор-гуманист и эмпат: *«Страна должна что-то сделать для своих людей. Сколько можно разглядывать свое будущее, ползущее рядом, согнутое на палке, со слезящимися глазами и дрожащими руками? Страна должна что-то сделать для своих людей. Нет народа. Нет населения. Есть люди»* [8. Т. 4. С. 70].

Описанные выше формы позиционирования автора в текстах коррелируют с вариантами поведенческих установок, реализуемых писателем-сатириком в отношении адресатов.

Образ адресата в текстах М. Жванецкого, как и образ автора, амбивалентен. С одной стороны, это обыватель, проявляющий черты характера, идущие вразрез с ценностями автора. Он инертный, безвольный, неспособный критически мыслить. С другой стороны, адресат писателя – близкий ему по духу человек, современник, достойный соучастия и заслуживающий сопереживания. В одной из своих миниатюр М. Жванецкий отмечает: *«Публика бежит на концерт с набором соответственных ассоциаций. Смех рвется еще до подхода к креслу, похожий на рыдание, не потому, что смешно, а потому что: “Да! Да! Да! Точно... Какой ужас! Ха-ха-ха! На эту пенсию не то что жить, смотреть без слез невозможно! Ха-ха!.. Как мы живем, ха-ха, как нас лечат... Как нас хоронят? Ха-ха!”»* [8. Т. 3. С. 263].

Часто М. Жванецкий говорит о несправедливом, с его точки зрения, жизненном укладе современников в критически-насмешливом тоне: *«Тридцать – сорок лет на севере, чтоб затем на юге немного без здоровья и зубов...»* [8. Т. 4. С. 20], *«Пусть за всю жизнь мы накопили шестнадцать рублей и детям ничего не завещаем, кроме рецептов, мы отстаиваем свой гибельный путь и рвем каждого, кто хочет вытащить нас из капкана!»* [8. Т. 4. С. 99]. Но одновременно с этим заключает, как бы оставляя адресату право самостоятельно решить, оставаться ли ему в этой точке жизненного пространства: *«Это наш путь! И мы на нем лежим, рыча и завывая, в стороне от всего человеческого»* [8. Т. 4. С. 99]. Использование в приведенном выше контексте глагола *лежим* вместо более подходящего для сочетания со словом *путь* глагола *идем* позволяет автору усилить выражение негативной оценки

современной ему реальной действительности и одновременно создать перлокутивный эффект, направленный на читателя/зрителя.

Вместе с тем добавим, что в отношении рядовых членов общества в сатирических миниатюрах М. Жванецкого не наблюдается жесткой критики: *«Сатиру отшибло полностью. Низы жалко, а верхи отвратительны»* [8. Т. 4. С. 25]. Высмеивая беспомощность, инертность «низов», автор одновременно выражает им глубокое сочувствие: *«...кажется, они хотели, чтоб мы не работали, а мучились – пришел к восьми и мучаешься до пяти; и все зрители радуются. Так что этот способ мы знаем. А нет ли другого, если поискать?»* [8. Т. 4. С. 58]. Риторический вопрос свидетельствует о том, что, негативно оценивая изображаемое, автор сочувствует обывателю и стремится воздействовать на него как на адресата своего творчества, изменить ценностные приоритеты в рамках его картины мира.

Таким образом, варианты представления мировоззренческой позиции автора, включая ее аксиологический компонент, объединены на основании критического и одновременно глубоко человеческого отношения писателя к событиям и явлениям окружающей действительности, членам социума, к которым он относит и себя также. «Присутствие» автора в структурно-семантической организации его СТ манифестирует активную позицию Жванецкого как великого гуманиста-деятели, что можно считать одним из основополагающих свойств его творческого кредо. Смех Жванецкого – одновременно инструмент познания жизни, средство рефлексии и орудие борьбы за «лучшего» человека.

Идиостилевые особенности СТ М. Жванецкого, проявляющиеся в их языковой ткани

Ключевой для любого СТ выступает функция реализации прагматики комического. В идиостиле Жванецкого комическое проявляется в разнообразных формах и мастерски воплощается автором при помощи лексических, грамматических единиц, а также стилистических приемов. С их помощью писатель доносит до адресата глубину смысла, скрывтую за внешней легкостью слов, выражает собственное – насмешливое, скептическое, неодобрительное и пр. – отношение к описываемому. Анализ языковой организации СТ М. Жванецкого рассматриваемого временного периода с учетом наработок ученых, изучающих творческий дискурс писателя-сатирика, а также с опорой на собственные наблюдения позволяет систематизировать информацию о специфических чертах языкового оформления, делающих его стиль уникальным и узнаваемым.

Остановимся на характеристике ключевых свойств его идиостиля, вызывающих в его СТ комический эффект посредством использования лексических и грамматических единиц.

Наиболее значимыми в дискурсе М. Жванецкого, в полной мере передающими своеобразие его творческой манеры, на наш взгляд, можно считать лексические единицы, использование которых решает следующие задачи:

– критической оценки актуальных социальных явлений и политических событий, обсуждения человеческих слабостей и пороков общества: «Этого мы объяснить не можем и **тащимся** на производство, а вечером домой» [8. Т. 4. С. 58], «Умных, образованных, очкастых – **вон из страны**, со вкусом, одного за другим» [8. Т. 4. С. 99];

– изображения психологических состояний и чувств людей с целью демонстрации внутренних конфликтных ситуаций и мотивации героев, побудившей их к совершению тех или иных поступков: «Сейчас некоторые **наши из оголтелых кричат**: / – Лучший генфонд уничтожен! Мы нашли виноватых! Давай за нами!» [8. Т. 4. С. 12];

– имитации формы диалоговой коммуникации, что создает ощущение живого общения и вовлекает читателей в дискуссию, а сатирическую критику делает более доступной и понятной массовому читателю: «– Алло, простите, куда я попал? Я набирал восьмерку. Извините, я сейчас перенаберу. / – Он думает попасть в другое место. / – Алло, это опять вы? / – Да, это мы все опять. А это опять ты? / – Да» [8. Т. 4. С. 188].

Яркой чертой идиостиля Жванецкого можно считать также использование для создания комического эффекта запоминающихся и наглядных образов в виде ярких *развернутых метафор*. Проиллюстрируем сказанное. Идейное содержание миниатюры «Ждать» связано с авторским осмыслением состояния страны после распада СССР, когда особенно остро ощущался дефицит продуктов питания и продовольственных товаров и население страны в поисках возможности приобрести хоть что-нибудь собиралось в длинные очереди. Присутствующие в данном СТ метафоры *центр бурлит, людьми отравлен организм, на прилавках и полках одни люди* создают яркий образ толпы, вызывающей у автора почти физическое отвращение, схожее с состоянием пищевого отравления [8. Т. 4. С. 92].

С этой же целью в СТ Жванецкого активно привлекается семантический ресурс лексем с учетом их *парадигматических свойств*. Проиллюстрируем это свойство идиостиля на примере использования писателем-сатириком *антонимических* пар слов. К числу наиболее типичных для него глагольных антонимов, по собственному признанию сатирика, принадлежит пара лексем – *смеяться* и *ржать*: «На первый план сейчас вышло все, что доставляет удовольствие. УДОВОЛЬСТВИЕ! Наша задача – получить удовольствие. Михал Михалыч, мы пришли, чтобы поржать! Вы извините, мы приходим поржать, так что давайте все, что у вас есть, самое смешное. И я стараюсь. На моих концертах публика смеется. Может быть, не ржет, но смеется» (фрагмент интервью М. Жванецкого корреспонденту «Первого Русского Радио» в Лондоне в 2003 г.: [22]). Подобные лексемы отражают свойство амбивалентности многих вещей и явлений, которое характерно для картины мира писателя. Они транслируют установку на то, что юмор и смех в СТ М. Жванецкого – что-то, одновременно смешное и серьезное, интуитивное и осознанное, линейное и многомерное.

Одним из частотных, реализуемых в языковой структуре СТ М. Жванецкого, можно считать прием

нарушения парадигматических связей между словами, в результате которого в текстах начинают фигурировать *псевдоантонимы* и *псевдосинонимы*. Так, в высказывании «...**развитого** социализма и **недоразвитой** демократии с нашим лицом» (миниатюра «Бояться не надо!») [8. Т. 4. С. 12] комический эффект, вследствие которого у адресата зарождается сомнение в значимости описываемого явления, возникает в результате использования в рамках минимального контекста лексем *развитый* и *недоразвитый*, составляющих пару псевдоантонимов. Интересна в этом смысле также миниатюра «Население и народ. Разговор начальников», которая построена в форме диалога двух чиновников. Комический эффект в данном СТ создается посредством контекстного сближения псевдосинонимов *народ* и *население* (причем первая единица выступает в качестве гиперонима ко второй): «– Ох, Петраков, **народ** терпеть не будет, если ты оставишь **население** без, допустим, газет. // – Какие могут быть, допустим, сомнения. Оставь **население** без газет нам не поволит **народ**» [8. Т. 4. С. 28].

Отличительной чертой творческой манеры М. Жванецкого, как неоднократно указывали ученые, является его особая «привязанность» к *местоименным* формам. В аксиологической системе координат автора умение постоять за себя и ощущение внутренней свободы являются важнейшими категориями, и потому в СТ М. Жванецкого часто осмеянию подвергается неспособность общества эти категории реализовать. В языковом строе текстов это эксплицируется посредством «игры» с выбором форм личных местоимений: «Нормально все. **Наши** люди. **Они** на свободу не потянут. **Они** нарушать любят. **Ты** ему запрети все, чтоб **он** нарушал. Это **он** понимает» [8. Т. 4. С. 85].

Для автора местоимение – полифункциональная единица, которая способствует:

– его дистанцированию от предмета обсуждения; в этом случае автор имеет возможность свободно критиковать или высмеивать, не вовлекая себя напрямую;

– выражению иронии и сарказма; писатель говорит «они» (=«люди») в том случае, когда он на самом деле не говорит о них в положительном ключе, а, напротив, высмеивает их поведение или характеристики или помещает их в смешные и абсурдные ситуации;

– обобщению: употребляя местоимения *все*, *каждый*, *никто* и пр., Жванецкий делает акцент на общих свойствах человеческой натуры или сути происходящих общественных процессов, что придает комическому эффекту оттенки универсальности;

– выражению личной позиции; так, местоимение «я» позволяет Жванецкому выразить свою личную точку зрения или эмоции, что делает сатиру более искренней, эмоционально насыщенной, глубоко лиричной.

В качестве идиостилевой черты отметим также частотность случаев использования местоимения *мы* как способа экспликации образа автора: «**Мы** впервые проверили, действительно ли там хорошо, где нас нет...» [8. Т. 4. С. 10], «Хватит цепляться за эту жизнь. Как **мы** убедились – в ней ничего хорошего...» [8. Т. 4. С. 12], «Так что период, когда **мы** меняли, ничего не меняя, сменился теперешним, когда **мы** меняем то,

чего нет» [8. Т. 4. С. 96]. Данный вариант «экзистенциального нереферентного употребления» (И.Ю. Гранева) местоимения *мы* свидетельствует о том, что говорящий причисляет себя к некоторому кругу лиц одних с ним взглядов и убеждений. Тем самым, не отделяя себя от адресата, автор в содержательном поле текстов четко выстраивает противопоставление «МЫ» – «не МЫ». «Не МЫ» – это представители власти, чьи установки не всегда коррелируют с мнениями простых людей – членов социума. В ряде случаев данная семантическая оппозиция выражается посредством использования обобщенно-личных и неопределенно-личных предложений, например: «Сказали БАМ строить – **мы** поехали. Сказали Братск строить – **мы** поехали» [8. Т. 4. С. 20]. Обезличенное «не МЫ» выражается формой глагола множественного числа и противопоставляется лексическим единицам с более конкретной семантикой *человек* или *наш человек*. В последнем случае речь идет о представителе народа, поддерживающем систему ценностей, которые приветствуются и самим автором. Однако чем дальше человек из народа отстоит в своих ценностных представлениях от разумно обоснованной, этически обоснованной и существующей веками на Руси системы, тем чаще его образ обозначается посредством местоимения *наши*. К примеру: «Сейчас некоторые **наши** из оголтелых кричат» [8. Т. 4. С. 12].

Таким образом, местоимения в текстах Жванецкого служат не только для грамматической связи, но и играют ключевую роль в выражении его сатирического взгляда на окружающую действительность.

В качестве еще одной яркой идиостилевой черты назовем активное использование писателем-сатириком, особенно в текстах политической тематики, *штампов* и *канцеляризов* в качестве средств создания комического эффекта. К таким случаям можно отнести, например, употребление отглагольных существительных на *-ние* («...к 2000 году должно **остановиться** ухудшение. Падение **ухудшения** и **нарастание** **улучшения** будут происходить одновременно...») [8. Т. 4. С. 49], «...глубокое и постоянное **изменение** нашей жизни к худшему. То есть **непрерывное** **улучшение**, приводящее к **ухудшению** жизни» [8. Т. 4. С. 12]), а также «нанизывание падежей» («В целях **скорейшего обеспечения убыстрения нарастания получения** продуктов для **быстрейшего** их **употребления** был **посещен** ряд предприятий общественного питания...») [8. Т. 4. С. 27]). Штампы и канцеляризмы, выступая лексико-стилистическими маркерами преимущественно письменных официально-деловых текстов, в СТ Жванецкого демонстрируют особое понимание автором природы смеха: писатель стремится говорить серьезно о серьезном, однако при этом вызывает у адресата смеховую реакцию.

Помимо единиц лексического и грамматического уровней, в реализации прагматики комического автор задействует ряд *стилистических приемов*. В их числе отметим:

– *парадокс*, реализуемый в виде противоречивых утверждений, которые заставляют задуматься о глубине и абсурдности ситуации: «...за **независимость** на

местах при полной зависимости от центра», «...за **все виды собственности, кроме частной, личной, индивидуальной и вообще принадлежащей кому-то...**», «за **отход КПСС от власти при сохранении руководящей роли**» [8. Т. 4. С. 36];

– «*обманутое ожидание*», когда сюжет или описываемая ситуация разворачиваются вопреки ожиданиям адресата, что создает комический эффект: «*Будем откровенны – плохо живем. Будем откровенны – еды во многих домах нет. Я лично буду откровенен – я без валенок к зиме. Буду еще откровеннее – у меня лысина. Буду совсем откровенен – у меня нет правой руки. И если начистоту, я без ног. А совсем между нами – они мне и не нужны*» [8. Т. 4. С. 218];

– *сарказм*, манифестируемый посредством остроумных и язвительных высказываний, которые подчеркивают недостатки и смешные стороны жизни и людского поведения. Раскрывая особенности разрешения мужчинами бытовых и политических конфликтов, в миниатюре «Сексуальная революция», автор отмечает: «*У них всегда позиции разные. Называется это – альтернатива. То есть стенка на стенку. Как один что-то придумал, так появляется второй и придумывает противоположное. В животном мире это давно есть: два петуха, два козла, два барана на мосту и так далее*» [8. Т. 4. С. 20];

– *гиперболу* как намеренное преувеличение характеристик или их значимости в целях демонстрации их абсурдности: в миниатюре «О нас», говоря о русском человеке за границей, автор подмечает: «*Там мы как белые вороны, как черные зайцы, как желтые лошади*» [8. Т. 4. С. 224];

– *аллюзию*, т.е. использование культурных и литературных смысловых переключек, создающих иронический подтекст на основе контраста между ожидаемым и реальным. Так, в миниатюре «Ума не приложу» видим отсылку к периоду развития Советского и Российского государства, когда у власти находились люди преклонного возраста: «*Мы, говорят они, не понимаем, что творится с президентом. <...> Он единственный, кого можно понять, невзирая на дикцию. Но как можно так лечить все руководство страны, чтоб они становились такими одинаковыми к своим годам? Нет ли там в Кремле других лекарств?*» [8. Т. 4. С. 222];

– *контраст*, способствующий созданию двузначности – видимого и скрытого смысла, когда что-то, декларируемое формально как положительное, имеет скрытую отрицательную прагматику (а потому подвергается сатирическому осмеянию). Так, например, в миниатюре «Там хорошо, где нас нет» автор восклицает: «*Оказывается, Жора, нигде в мире нет блатных песен. Это же уму непостижимо! Это же отсутствует целая литература. Фольклора нет. Народы молчат. Это же, оказывается, только у нас*» [8. Т. 4. С. 10]. Использование разговорного выражения *уму непостижимо* для выражения «искреннего» недопонимания того факта, что нигде в мире нет *блатных песен*, создает комический эффект и вызывает смех как естественную реакцию у адресата. Однако на самом деле автор выражает негативное отношение к изображаемому и насмехается над описываемым общественным

укладом, неотъемлемой частью которого являются артефакты криминального мира;

– языковую игру на основе привлечения каламбуров, алогизмов, приема доведения до абсурда, умолчания, делающую текстовую информацию более ироничной и остроумной. Приведем примеры. Одной из известных выступает миниатюра «Рискуют все!», посвященная изображению периода распада СССР и формирования России как государства с демократическим строем и рыночной экономикой. В ней есть такой фрагмент: *«А народ уже заразился импровизацией. // – На меня давай, на меня. И либерализм, и приватизацию, и трепанацию, и цивилизацию, и интеллигенцию...»* [8. Т. 4. С. 33]. Использование лексемы *трепанация*, относящейся к медицинской терминологии, в одном ряду с единицами, принадлежащими тематической группе «Социальные отношения», становится возможным благодаря структурной схожести слов. В данном случае каламбур служит не только выражению комично-ироничной прагматики, а позволяет выразить одновременно критически-насмешливое и сочувственное отношение автора к обозначенному субъекту. Народ, в понимании автора, – инертная масса, которую легко можно направить в необходимое властной системе русло, «заразить» актуальными для определенного момента истории идеями;

Другой пример. В приводимом фрагменте миниатюры «Население и народ. Разговор начальников» комический эффект возникает и усиливается за счет растущего эмоционального воздействия на адресата путем доведения описываемой ситуации до абсурда: *«– ...как с обеспечением населения, допустим, лекарствами? // – Допустим, населения? // – Да, да. // – И чем вы спрашиваете? // – Лекарствами. // – Обеспечим. // – Я в этом уверен? // – Безусловно. // – Здесь сомнений быть не может? // – Абсолютно. // – Народ будет обеспечен лекарствами? // – В первую очередь. // – А все остальные? // – Тоже. // – Пока о населении говорить не будем. // – Трудности с валютой. // – Народ не должен это чувствовать. // – Безусловно»* [8. Т. 4. С. 28]. Весь текст миниатюры иллюстрирует реализацию авторского насмешливо-иронического отношения к описываемому за счет использования каламбура, алогизмов в репликах диалога и приема доведения до абсурда. Финальная сцена в миниатюре «Население и народ. Разговор двух начальников» строится на приеме умолчания: *«– Если можно, еще встречу к Новому году? // – До свидания. // – ...»* [8. Т. 4. С. 28].

Подобный способ построения СТ характерен и для других миниатюр М. Жванецкого. Так, например, в миниатюре «Таблетки от тревоги», построенной в форме диалога между пациентом и врачом, алогичные реплики доктора нивелируют тревогу пациента, связанную непониманием происходящего вокруг него: *«– Элениум перед сном. // – Ага. И я все пойму? // – Нет. Будет лень разбираться. // – Тогда простой вопрос. Где найти кран для сантехника? // – В аптеке. По одной штучке. // – И что? // – И ничего. – А сантехник? // – Я ему уже выписал. // – Ага. Значит, теперь... // – Вы не нужны друг другу. Тем более что нет этих кранов»* [8. Т. 4. С. 41].

Примечательно, что финальные реплики в каждой из описанных миниатюр демонстрируют всеобщее безразличие к происходящему, и это вызывает у автора чувство неприятия социальной действительности, которое и становится причиной для развития у текста в целом сатирической направленности. Миниатюру «Таблетки от тревоги» завершает фраза доктора, сказанная пациенту в ответ на вопрос о том, где достать вышеупомянутые таблетки: *«– У меня есть две. Мы с вами примем и не будем об этом думать»* [8. Т. 4. С. 41].

М. Жванецкий мастерски сочетает перечисленные и другие приемы с отбором языковых единиц, создавая уникальный стиль, который позволяет глубоко и метко описать наивность, глупость или нелепость человеческих поступков и общественных явлений.

Интерпретация значимых фрагментов картины мира М. Жванецкого на основании результата анализа идиостилевых особенностей его СТ

С опорой на результаты, полученные в ходе анализа обуславливающих своеобразие идиостилевой манеры М. Жванецкого экстралингвистических и лингвистических факторов, можно предложить варианты интерпретации авторского представления о человеке, власти, смехе. Эти представления лежат в основе выделения в картине мира писателя-сатирика ключевых концептуальных смыслов ЧЕЛОВЕК, ГОСУДАРСТВО, СМЕХ.

Сатира как стилеобразующее начало в миниатюрах М. Жванецкого позволяет актуализировать концептуальный смысл «человек должен быть свободен», являющийся аксиологической доминантой в картине мира автора. Особо ценными для писателя являются такие свойства личности, как независимость, внутренняя свобода, способность постоять за себя, психологическая целостность и самостоятельность, в связи с чем особое место в индивидуально-авторской картине мира Жванецкого занимает концептуальный смысл ЧЕЛОВЕК. Его содержательное наполнение основывается на представлении сатирика об амбивалентной природе смеха, когда возникает ситуация «смеха сквозь слезы» или понятие «смех тела», актуализируемое на поверхностном уровне восприятия текстовой информации, противопоставляется понятию «смех ума» (номинации предложены Л.В. Карасевым: [23]). В последнем случае речь идет о глубинных уровнях интерпретации, порождающих данный феномен. Трагикомичная по сути и глубоко лиричная по форме – таковы основные свойства сатиры М. Жванецкого, нашедшие отражение в идиостилевых особенностях его произведений и выступающие «ключом» для понимания всей глубины его мировоззрения.

Поскольку создание СТ, рассматриваемых в рамках данного исследования, хронологически соотносится с периодом распада СССР и формирования государства нового типа, концептуальный смысл ЧЕЛОВЕК в большинстве СТ автора актуализируется в контексте социально-политических изменений. По мысли автора, человек глубоко несчастен, поскольку лишен базовых социальных благ: *«Копаемся в помоях, проклиная друг*

друга: «Как лечат, суки! Как строят, гады! Как кормят, падлы!» [8. Т. 4. С. 99]; «Правительство реформ выглядит хорошо. Волнения идут ему на пользу. Некоторые, волнуясь, много едят. Большинству не на что, хотя волнуются не меньше» [8. Т. 4. С. 104]. Писатель уверен: несмотря на то, что человек вынужден существовать в полном абсурде социуме и в противоречии с общественными нормами, вынужден смириться с произволом государственной системы, он достоин лучшего будущего. Умело соединяя юмор и сарказм, М. Жванецкий вселяет в человека надежду: «Да кто только здесь не был, чем только нас не отвлекали. И царизмом, и социализмом, и капитализмом. А мы всегда под Новый год, под праздничное ощущение, под чувство и предчувствие, под закусочку и записочку. Выпьем! И все будет хорошо» [8. Т. 4. С. 105]; «Мы будем жить очень хорошо. Я в этом убежден. И ничто меня не переубедит – ни холод, ни голод, ни то, что все необходимое продали...» [8. Т. 4. С. 94].

Содержательное наполнение концептуального смысла ЧЕЛОВЕК в картине мира автора связано с глубоким пониманием М. Жванецким многогранности человеческой природы. В миниатюрах автор саркастически говорит об инертности и внутренней несвободе человека: «– Не хотим хорошо жить! Никто не заставит нас хорошо жить! Не подсовывайте нам собственность! Хотим жить без имущества и работать без зарплаты!» [8. Т. 4. С. 99] и одновременно выражает гуманное отношение к его слабостям: «Жалко нас. Никто за нас не хочет пройти наш путь. Придетесь нам. Жалко нас. Жалко. Не надо впадать в отчаяние. Я думаю, что мы преодолеем» [8. Т. 4. С. 58]. С точки зрения М. Жванецкого, человек способен философски подходить к осознанию своего места в мире и в социуме, погружаться в глубокие экзистенциальные переживания: «Мы стоим на земле, где лежат кости... так же живших от “на грани разорения” до “на грани процветания” <...> Наше поколение – выяснят те, будущие, – умело не так любить, как дружить, и предательство, которое давалось так легко, вызывало большие переживания» [8. Т. 4. С. 238].

В картине мира сатирика особую роль играет концептуальный смысл ГОСУДАРСТВО, приобретающий в его дискурсе особое прочтение: государство – это бездушная, неискренняя, механистичная, формализованная система. Содержательное наполнение концептуального смысла ГОСУДАРСТВО в СТ М. Жванецкого рассматриваемого периода представлено единицами, называемыми бюрократические структуры и правоохранительные органы: «Когда государство ночью нагрнуло, знаю – милиция пришла» [8. Т. 4. С. 97]; «Эти ребята [парламент], выражая ничьи интересы, вернее, ничьи интересы не выражая, кроме интересов народа, дробят все, что к ним поступает. И стоя аплодируют сами себе. Мною замечено, если парламент стоя аплодирует – быть войне» [8. Т. 4. С. 104].

Концептуальный смысл ГОСУДАРСТВО в картине мира М. Жванецкого обесценено с точки зрения аксиологической значимости: «Страну, что мы любили, заменило государство, его невозможно любить, как бы ты ни изворачивался» [8. Т. 4. С. 70]. Государство и

человек существуют в параллельных реальностях, четко отделены друг от друга и даже противопоставлены друг другу. Отношения между ними лишены понимания и сотрудничества: «Выпьем за правительство реформ! Пусть у них будет все хорошо. Если мы мешаем – мы уйдем. Они важнее. Еще год назад была надежда, что наши пути хоть где-то пересекутся, если не в данном месте, то хоть в данном времени. Но, видимо, не судьба» [8. Т. 4. С. 104]; «Говорят, какой-то закон все-таки выйти должен, но расстояние от мозгов депутатов до души населения столь велико, что закон его не преодолеет» [8. Т. 4. С. 104]. Однако можно утверждать, что концептуальные смыслы ЧЕЛОВЕК и ГОСУДАРСТВО в картине мира М. Жванецкого неразрывно связаны между собой: осмысление бездушной и формализованной природы государственной системы невозможно без осмысления глубины и многогранности человеческой сущности.

И если для Жванецкого человек и его внутренняя свобода выступают мерилем сути вещей, а государство сатириком оценивается лишь в отрицательном ключе, то смех трактуется в качестве инструмента познания человеческой природы. Выявление оригинальных индивидуально-авторских оттенков в структуре концептуального смысла СМЕХ коррелирует с представлением о его образных и сценарных составляющих, включая, субъекта, объекта, каузатора (причину) смеха, характер взаимоотношений между субъектом и объектом, оценочный и эмоциональный компоненты [24. С. 235]. В индивидуальной картине мира Жванецкого именно образ автора интегрирует потенциал всех перечисленных компонентов, стимулируя адресата продемонстрировать смех не только и не столько физиологической, сколько когнитивной природы. Смех, вызванный Жванецким, – не только реакция на что-то веселящее. Это всегда и в первую очередь – смех-удивление, появление которого спровоцировано умением автора «так метко подбирать и описывать факты жизни» [11. С. 87]. Амбивалентность смыслов, наполняемых картину мира сатирика, обуславливает наличие в семантической ткани текстов М. Жванецкого всей гаммы прагматических оттенков комического: от легкой, насмешливой иронии – до мрачного, трагического сарказма. Парадоксальная формула «смешно, потому что грустно» является отличительной идиостилевой характеристикой, объединяющей все сатирические миниатюры М.М. Жванецкого. Подробнее см.: [25].

СМЕХ в концептуальной структуре СТ М. Жванецкого занимает центральное место и является интегрирующим звеном, поскольку именно посредством смеха осмысляются окружающая действительность, сущность человеческого бытия и сложность взаимоотношений человека и современных ему государственной системы, страны, эпохи. Амбивалентная природа смеха дает возможность сатирику обнаруживать сложность экзистенции человека в мире, часто проникнутом абсурдом и противоречиями: «Нет, нужно родиться там, тогда вам не кажется подозрительным такое количество счастливых лиц» [8. Т. 4. С. 70]; «В слово “запрещено”, – верю свято. Наше слово. В то, что “все разрешено, что не запрещено”, – не верю.

И не поверю никогда» [8. Т. 4. С. 97]. Благодаря жизнеутверждающей природе сатиры М. Жванецкого его миниатюры обладают мощным прагматическим эффектом, вызывающим глубокую рефлексию их адресата.

Осмеянию и одновременно глубокому философскому осмыслению сатирик подвергает лишь особенности человеческой природы и характер взаимоотношений человека с государственной системой в эпоху общественно и политических изменений. Собственно государство в изоляции от человека находится вне поля зрения М. Жванецкого. Возникающие в процессе взаимодействия человека и государства несправедливость и абсурд писатель-сатирик подвергает критической оценке, поскольку главная интенция автора заключается в том, чтобы своими миниатюрами подчеркнуть все достоинства и недостатки человеческой природы, поднять на поверхность глубинные смыслы бытия человека, вызвать катарсический эффект у слушателя и читателя. Этим объясняется серьезное отношение автора к юмору и стремление пробудить в адресате своего творчества «смех ума».

Заключение

С опорой на полученные в процессе анализа выводы о специфических чертах идиостилевой творческой манеры М.М. Жванецкого, проявляющихся в СТ, созданных в последние десятилетия XX в., исследована концептуальная картина мира писателя в рамках отдельных ее фрагментов. Тем самым подтверждена целесообразность изучения мировоззренческих установок и аксиологических представлений автора на основе рассмотрения уникальных свойств его языковой личности, нашедших отражение в текстовой деятельности.

В перечне экстралингвистических характеристик идиостиля писателя выделены факторы жанровой специфики текстов указанного периода, а также формы коммуникативного позиционирования автора.

Предпочтения в выборе жанра – сатирической миниатюры – определяют склонность М. Жванецкого к лаконичной форме, доступной для восприятия массовому адресату в условиях чтения текста с эстрадной сцены. Наблюдающаяся при этом концентрация смысла, возникающая, в том числе, благодаря реализации принципа импрессионистичности (мозаичности, наложения сюжетных ходов, «полифонии» голосов и мнений), расширяет содержательное поле текста. Сатирическая прагматика жанра в ракурсе авторского восприятия приобретает синкретичную природу, адаптируя «под» решение авторских задач в рамках индивидуального творческого дискурса функциональный ресурс юмора, сатиры, лирической составляющей.

Самобытность творческой манеры М. Жванецкого проявляется также в формах авторского «присутствия» в структурно-содержательной ткани СТ и в способах демонстрации отношения к своим адресатам. В отношении к адресатам автор демонстрирует двойственное – одновременно насмешливое и лирически-сочувственное – отношение, связанное с желанием повлиять на сознание читателя / зрителя, изменив его аксиологические ориентиры.

Образ автора остается целостным, несмотря на смену коммуникативных «масок»: иронизирующий автор, автор-критик, автор-гуманист и эмпат, автор-философ, автор-скептик. Синкретизм и амбивалентность авторской позиции позволяет варьировать формы и средства выражения прагматики СТ.

Анализ языкового строя СТ М. Жванецкого способствовал осмыслению в системном виде информации об идиостилевых чертах, связанных с предпочтениями в выборе лексических единиц, грамматических форм и стилистических приемов. В целях расстановки смысловых акцентов автором широко привлекаются местоимения, разговорная лексика, штампы и канцеляризмы, а также случаи актуализации парадигматических связей между лексемами (например, частое употребление слов-антонимов) и, наоборот, случаи нарушения парадигматических связей (псевдоантонимы, псевдосинонимы). В числе активно используемых синтаксических средств названы диалоговые конструкции, обобщенно-личные предложения. Лингвистический анализ СТ Жванецкого свидетельствует о таких «излюбленных» им способах и средствах, как различные виды языковой игры (каламбура, алогизмов), стилистические приемы «доведения до абсурда», «обманутого ожидания», привлечение семантического потенциала парадокса, иронии, сарказма, гиперболы, метафоры, контраста. Перечисленные языковые средства, будучи маркерами индивидуального стиля Жванецкого, эффективно помогают автору реализовать комплекс задач, которые он поднимает и решает в своих текстах как писатель-сатирик.

На основании осуществленного анализа наиболее значимых параметров идиостиля, нашедших отражение в сатирических миниатюрах М.М. Жванецкого обозначенного временного периода, выдвинуто предположение о ключевом месте концептуальных смыслов ЧЕЛОВЕК, СМЕХ, ГОСУДАРСТВО в картине мира автора и представлено общее их содержательное наполнение, в том числе, в аспекте аксиологической характеристики. Как высшую ценность человека Жванецкий определяет чувство внутренней свободы, декларирует это представление в своей авторской позиции – писателя-сатирика, владеющего широким набором инструментов комического (от легкой иронии до едкого сарказма) для осмеяний социальных пороков в современном ему обществе. Суть понимания человека в мировоззренческой «системе координат» автора заключается в глубоком анализе человеческой природы, раскрывающейся во всем многообразии жизненных ситуаций, в контексте отношений между людьми, общественных норм, внутренних противоречий и повседневном существовании. Через юмор и сарказм Жванецкий показывает, как человек часто оказывается в комичных и парадоксальных ситуациях, подчеркивая при этом его слабости и несовершенство. Одной из ключевых тем его творчества является одиночество человека в обществе, поиск смысла жизни, а также столкновение индивидуальных стремлений с общественными ожиданиями. Жванецкий умело подмечает детали, которые могут показаться незначительными, но на самом деле раскрывают глубокие человеческие чувства и переживания. В его творчестве человек сложен и

многогранен, он не идеализируется автором, испытывает радости и горести, ищет свое место в мире и полном абсурда социуме, сталкивается с бесконечными вопросами о собственной природе и предназначении. Смех в картине мира сатирика полифункционален: он выступает инструментом рефлексии, оценки, интерпретации, имея различные формы воплощения – от легкой, насмешливой иронии до уничижающего сарказма и обличающей сатиры. Комический эффект в сатирических миниатюрах М. Жванецкого возникает благодаря тому, что автор серьезно относится к юмору. Такое понимание природы комического в картине мира М. Жванецкого обусловлено амбивалентной природой смеха и особым, жизнеутверждающим, характером его сатиры.

В числе перспективных направлений развития обозначенной проблематики выделим задачу моделирования в системном виде картины мира М.М. Жванецкого на основании результатов изучения специфики его идиостиля (осуществления контент-анализа СТ, выделения наиболее частотных слов и с учетом полученных данных – ключевых концептов, установления между ними связей и отношений), подтверждения результатов интроспекции в серии ассоциативных лингвистических экспериментов, рассмотрения картины мира автора в аспекте динамики организующих ее концептуальных смыслов в рамках творческого дискурса, обоснования дискурсивной обусловленности концептообразования в картине мира сатирика.

Список источников

1. Луков В.А., Федотов О.И. Сатира // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 312–316.
2. Вулис А.З. Алхимия поиска // Конец здравого смысла. Ташкент : Шарк, 1993. URL: <https://traumlibrary.ru/book/zayaitskiy-konzs/zayaitskiy-konzs.html#s001> (дата обращения: 01.12.2024).
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М. : URSS, 2010. 264 с.
4. Поставалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. М. : Наука, 1988. С. 8–69.
5. Пищальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. Барнаул : Издательство Алтайского университета, 1992. 73 с.
6. Плотникова С.Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий // Лингвистика дискурса. Иркутск : ИГЛУ, 2005. С. 5–16.
7. Болотнова Н.С., Болотнов А.В. Когнитивный стиль языковой личности в структуре модели идиостиля: к постановке проблемы // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 187–193.
8. Жванецкий М.М. Собрание произведений в пяти томах. WebKniga. Т. 1: Шестидесятые. 167 с.; Т. 2: Семидесятые. 239 с.; Т. 3: Восьмидесятые. 272 с.; Т. 4: Девяностые. 239 с.; Т. 5: Двадцать первый век. 201 с.
9. Михайлик Ю. Поговорим о творчестве Михаила Жванецкого. Около-литературные беседы. URL: https://vk.com/m.zhvan?z=article_edit-133885332_82342 (дата обращения: 01.12.2024).
10. Трач А.С. Идиостиль М.М. Жванецкого: языковая игра на основе нарушения кодифицированных норм // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 50. С. 223–227.
11. Трач А.С. Феномен М.М. Жванецкого: жанровый и прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2007. 185 с.
12. Фефелова Г.Г. Языковые приемы комического как особенности идиостиля М. Задорнова и М. Жванецкого // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Уфа : Башкирский гос. ун-т, 2020. С. 161–166.
13. Колесниченко Е.Л., Габидуллина А.Р. Парадоксальные высказывания в произведениях М. Жванецкого // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2013. № 1. С. 54–65.
14. Стихина М.А. Особенности применения переводческих трансформаций при переводе афоризмов (на материале произведений М.М. Жванецкого и С. Фрая) // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых : в 2 ч. / под общ. ред. Ж.А. Храмушиной, А.С. Поршневой, Л.А. Запеловой, А.А. Ширшиковой. Екатеринбург : Уральский федеральный ун-т, 2013. С. 324–329.
15. Гуляева А.А. Роль неполных предложений в создании эффекта комического в художественных произведениях М.М. Жванецкого // Студенческий вестник. 2021. № 23-1 (168). С. 25–27.
16. Карпова А.М. Экспрессивная лексика как средство выразительности в творчестве М.М. Жванецкого // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. 2020. № 3 (32). С. 112–114.
17. Шемелева Т.В. Прагматические и стилистические возможности неопределенных местоимений в дискурсе М. Жванецкого // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей IV Международного симпозиума : В 2 т. Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. С. 414–419.
18. Михайлик Ю. Бродский и Жванецкий. Эссе // Стихи.Ру. URL: <https://stihi.ru/diary/ivfadlan/2012-09-02?ysclid=m34h95idg776553257> (дата обращения: 01.12.2024).
19. Лаврова С.Ю., Бочкарева Ю.Ю. Концепты «ум» и «глупость» в современном русском юмористическом дискурсе (на материале текстов М. Жванецкого и «Comedy club») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2009. № 3 (22). С. 31–36.
20. Баймиева В.Ю. Жанр миниатюры в русской литературе XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-3 (63). С. 10–12.
21. Интервью М. Жванецкого корреспонденту «Первого Русского Радио» в Лондоне Алене Мучинской // Деловые люди : журнал. Июнь 2003. URL: <https://jvanetski.livejournal.com/90616.html> (дата обращения: 01.12.2024).
22. Интервью М. Жванецкого журналисту К. Лариной в эфире передачи «Эхо Москвы». 08.10.2005 // Жванецкий в ВК. URL: https://vk.com/wall-133885332_113879?ysclid=m35g0elkix428759961 (дата обращения: 01.12.2024).
23. Карасев Л.В. Философия смеха. М. : РГГУ, 1996. 222 с.
24. Попова С.А. Образная и сценарная составляющие ментальной структуры «смеха» в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 232–238.
25. Сластина Е.Ю., Курьянович А.В. Концепт СМEX в русской языковой картине мира с позиций лингвокультурологического подхода: к постановке проблемы // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: достижения, перспективы, инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. И.В. Пекарская ; отв. ред. О.А. Вольф. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2020. С. 91–94.

References

1. Lukov, V.A. & Fedotov, O.I. (2013) Satira [Satire]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2. pp. 312–316.
2. Vulis, A.Z. (1993) *Alkhimiya poiska* [Alchemy of search]. In: *Konets zdravogo smysla* [The End of Common Sense]. Tashkent: Shark. [Online] Available from: <https://traumlibrary.ru/book/zayaitskiy-konzs/zayaitskiy-konzs.html#s001> (Accessed: 01.12.2024).

3. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. 7th ed. Moscow: URSS.
4. Postovalova, V.I. (1988) *Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka* [Picture of the world in human life]. In: Serebrennikov, B.A. et al. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language. Language and Picture of the World]. Moscow: Nauka. pp. 8–69.
5. Pishchal'nikova, V.A. (1992) *Problema idiostilya. Psikholingvisticheskiy aspekt* [The Problem of Idiostyle. Psycholinguistic Aspect]. Barnaul: Altai State University.
6. Plotnikova, S.N. (2005) *Yazykovaya, kommunikativnaya i diskursivnaya lichnost': k probleme razgranicheniya ponyatiy* [Language, communicative, and discursive personality: on the problem of delimiting concepts]. In: *Lingvistika diskursa* [Discourse Linguistics]. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University. pp. 5–16.
7. Bolotnova, N.S. & Bolotnov, A.V. (2012) *Kognitivnyy stil' yazykovoy lichnosti v strukture modeli idiostilya: k postanovke problemy* [Cognitive style of linguistic personality in the structure of the idiostyle model: on the problem statement]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 4. pp. 187–193.
8. Zhvanetskiy, M.M. (n.d.) *Sobranie proizvedeniy v pyati tomakh* [Collected Works in Five Volumes]. Vols 1–5. WebKniga.
9. Mikhaylik, Yu. (n.d.) *Pogovorim o tvorchestve Mikhaila Zhvanetskogo. Okolo-literaturnye besedy* [Let's talk about the work of Mikhail Zhvanetsky. Near-literary conversations]. [Online] Available from: https://vk.com/m.zhvan/?z=article_edit-133885332_82342 (Accessed: 01.12.2024).
10. Trach, A.S. (2007) Idiostil' M.M. Zhvanetskogo: yazykovaya igra na osnove narusheniya kodifitsirovannykh norm [Idiostyle of Mikhail Zhvanetsky: a language game based on the violation of codified norms]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 50. pp. 223–227.
11. Trach, A.S. (2007) *Fenomen M.M. Zhvanetskogo: zhanrovyy i pragmalingvisticheskiy aspekty* [Phenomenon of Mikhail Zhvanetsky: genre and pragmalinguistic aspects]. Philology Cand. Diss. Taganrog.
12. Fefelova, G.G. (2020) [Linguistic devices of the comic as features of the idiostyle of Mikhail Zadornov and Mikhail Zhvanetsky]. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya sovremennoy gumanitarной nauki* [Theoretical and Practical Problems of the Development of Modern Humanitarian Science]. Proceedings of the 6th International Conference. Ufa: Bashkir State University. pp. 161–166. (In Russian).
13. Kolesnichenko, E.L. & Gabidullina, A.R. (2013) *Paradoksal'nye vyskazyvaniya v proizvedeniyakh M. Zhvanetskogo* [Paradoxical statements in the works of Mikhail Zhvanetsky]. *Filologicheskie nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly*. 1. pp. 54–65.
14. Stikhina, M.A. (2013) [Features of the application of translation transformations in the translation of aphorisms (based on the works of Mikhail Zhvanetsky and Stephen Fry)]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* [Current Issues of Philological Science of the 21st Century]. Proceedings of the 3rd All-Russian. Yekaterinburg. 8 February 2013. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 324–329. (In Russian).
15. Gulyaeva, A.A. (2021) *Rol' nepolnykh predlozheniy v sozdaniy effekta komicheskogo v khudozhestvennykh proizvedeniyakh M.M. Zhvanetskogo* [The role of incomplete sentences in creating a comic effect in the works of Mikhail Zhvanetsky]. *Studencheskiy vestnik*. 23-1 (168). pp. 25–27.
16. Karpova, A.M. (2020) *Ekspressivnaya leksika kak sredstvo vyrazitel'nosti v tvorchestve M.M. Zhvanetskogo* [Expressive vocabulary as a means of expressiveness in the works of Mikhail Zhvanetsky]. *Studencheskiy elektronnyy zhurnal StRIZh*. 3 (32). pp. 112–114.
17. Shemeleva, T.V. (2020) [Pragmatic and stylistic possibilities of indefinite pronouns in the discourse of Mikhail Zhvanetsky]. *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [Russian Language in a Policultural World]. Proceedings of the IV International Symposium. Simferopol. 9–11 June 2020. Simferopol: Crimea Federal University. pp. 414–419. (In Russian).
18. Mikhaylik, Yu. (2012) *Brodskiy i Zhvanetskiy. Esse* [Brodsky and Zhvanetsky. Essay]. *Stikhi.Ru*. [Online] Available from: <https://stikhi.ru/diary/ivfadlan/2012-09-02?ysclid=m34h95idg776553257/> (Accessed: 01.12.2024).
19. Lavrova, S.Yu. & Bochkareva, Yu.Yu. (2009) *Kontsepty "um" i "glupost" v sovremennom russkom yumoristicheskom diskurse (na materiale tekstov M. Zhvanetskogo i "Comedy club")* [The concepts of "um" (intelligence) and "glupost" (stupidity) in modern Russian humorous discourse (based on the texts of Mikhail Zhvanetsky and Comedy club)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (22). pp. 31–36.
20. Baymieva, V.Yu. (2016) *Zhanr miniatyury v russkoy literature XX veka* [The genre of miniatures in Russian literature of the 20th century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 9-3 (63). pp. 10–12.
21. Delovye lyudi. (2003) *Interv'y u M. Zhvanetskogo korrespondentu "Pervogo Russkogo Radio" v Londone Alene Muchinskoy* [Interview of Mikhail Zhvanetsky to Alena Muchinskaya, a correspondent of the First Russian Radio in London]. *Delovye lyudi*. June. [Online] Available from: <https://jvanetski.livejournal.com/90616.html> (Accessed: 01.12.2024).
22. VK.com. (2005) *Interv'y u M. Zhvanetskogo zhurnalistu K. Larinoy v efire peredachi "Ekho Moskvy"* [Interview of Mikhail Zhvanetsky to a journalist Ksenia Larina on the air of the program Ekho Moskvy]. *VK.com*. [Online] Available from: https://vk.com/wall-133885332_113879?ysclid=m35g0elkix428759961 (Accessed: 01.12.2024).
23. Karasev, L.V. (1996) *Filosofiya smekha* [Philosophy of Laughter]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
24. Popova, S.A. (2015) *Obraznaya i stsenarnaya sostavlyayushchie mental'noy struktury "smekh" v russkoy yazykovoy kartine mira* [Figurative and scenario components of the mental structure "laughter" in the Russian linguistic picture of the world]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 1. pp. 232–238.
25. Slastina, E.Yu. & Kur'yanovich, A.V. (2020) [The concept SMEKh in the Russian linguistic picture of the world from the standpoint of the linguacultural approach: towards the formulation of the problem]. *Aktual'nye problemy izucheniya yazyka, literatury i zhurnalistiki: dostizheniya, perspektivy, innovatsii* [Current Problems of the Study of Language, Literature and Journalism: Achievements, prospects, innovations]. Proceedings of the International Conference. Abakan. 18–19 November 2020. Abakan: Khakassian State University named after N. F. Katanov. pp. 91–94. (In Russian).

Информация об авторах:

Жукова Е.Ю. – аспирант кафедры теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: lenko1994s@mail.ru

Куриянович А.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.Yu. Zhukova, postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lenko1994s@mail.ru

A.V. Kurjanovich, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Theory of Language and Methods of Teaching Russian, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.12.2024;
одобрена после рецензирования 04.02.2025; принята к публикации 28.02.2025.*

*The article was submitted 02.12.2024;
approved after reviewing 04.02.2025; accepted for publication 28.02.2025.*